

«Дело в том, что мне приснилась во сне Анна Андреевна Ахматова. Я где-то задержался в Москве, поздно уже, надо было за город ехать, электрички уже не было. И я как-то фантастически к ней пришёл. Стучусь в дверь. Открывается дверь. Две таких голубых комнатки – одна под углом к другой. И я в совершенном отчаянии говорю: „Анна Андреевна, простите, пожалуйста! Это ужасно, хамство дикое. Но я опоздал на все поезда, на весь транспорт. Ну, что мне делать?! Приютите! Я могу на полу спать, одну ночку, несколько часов до первой электрички“.

И Анна Андреевна, качая головой, величаво говорит: „Да, да. Увы, увy. Я теперь в том возрасте, когда совершенно бесстыдно можно ко мне ломиться с подобными предложениями. Ну, что делать с Вами? Вот диванчик, можете здесь расположиться до семи часов утра. Не топайте ногами и дверью не хлопайте, как будете уходить“.

И я в полном блаженстве, трепете скорчил на рококо-диванчике каком-то таком изогнутом. И, вдруг, смотрю на лакированном столике около диванчика две какие-то атласные страницы – стихотворения Анны Андреевны, два. Я их читаю. Она вышла уже там к себе. Такое блаженство, такое совершенство изумительное, что я от восторга просыпаюсь от своего сна! Просыпаюсь и ещё твержу последнюю строфу второго стихотворения. И тут, вдруг, к ужасу осознаю, что ведь это сон, стихов нет, это всё внутри, сейчас испарится, как спирт, как эфир! И всё, действительно, испаряется. И только схватываю за хвост две последних строки, записываю их. И вот реконструкция сна. Я сочинил стихотворение, и в конце две последние строки, как два бриллианта, – строки ахматовские из этого сна. И всё стихотворение как бы подножие этих стихов. Вот, вот эти стихи. Всё моё, кроме последних двух строк.

КОНЦЕРТ НА ДВА ГОЛОСА РЕКОНСТРУКЦИЯ СНА

На чёрной площади Восстания
В асфальт впечатана мечта.
Плащегитарная Испания
Кончается укусом рта.

Так кисло-укусно пах порох
Разрывов, ставших облака.
И ты во всех моих позорах
Светилась, прочно далека.

Не знаю, Ангел ли хранитель
Спасал круговращенье дня.
Любимые, похороните
На белой площади меня.

Я памятникам негативен,
Гробница вскрытая пуста.
Одним затверженным мотивом
В асфальт впечатаны уста.

Звучанье музыки в концерте
Пришло к бескровному концу.
**Но бьет дыхание и сердце,
Как будто розы по лицу».**

Я слушаю голос, сохранённый на пленке. Голос певучий, эмоциональный, с необыкновенно приятным тембром. Это голос поэта Николая Шатрова (1929-1977). Как отмечали многие, лучше самого Шатрова его стихов никто не читал. Поэзия должна не просто читаться глазами, поэзия должна звучать. В случае Шатрова эта аксиома особо убедительна.

В джаз-клубе «Синяя птица» на Малой Дмитровке, открытом осенью 1964 года, у поэта была возможность иногда выступать. «Зная, что там будет читать стихи Шатров, народу столько набивалось, что люди буквально в ушах и на стенах висели. Всё было набито до отказа», – вспоминала Валерия Шитикова – подруга нашей семьи (семьи художника Алексея Козлова) и Николая Владимировича. Тембр, ритмика, мелодия его голоса – колдующая, завораживающая – привлекала людей на эти вечера. А сами стихи! В них за простотой и классической ясностью формы открывалось то, чего так не хватало людям того времени, – дыхание свободы и дух религиозного, мистического осмысления жизни.

Чуть ранее – во второй половине 50-ых – возможность читать свои стихи была у молодого поэта в Доме-музее Александра Скрябина, где он работал на ставке лектора. С музеем Шатров познакомил и своих близких друзей – поэтов «Мансарды окнами на запад». Большинство из них были студентами Иняза, обладающими уже в те, молодые годы, недюжинными познаниями в отечественной и зарубежной литературе. А приглашал их Николай на концерты блистательного пианиста Владимира Софроницкого. Между маститым музыкантом и молодым музейным сотрудником сложились очень тёплые, дружеские отношения.

Вот как вспоминал о тех вечерах один из поэтов «Мансарды» – Валентин Хромов (1933-2020): «Играл Софроницкий. Больше ничего в объявлении не сообщалось. Даже ещё не закончив концерт, Владимир Владимирович говорил: „Вы знаете, давайте послушаем стихи. Мне кажется, они прекрасно корреспондируют с фортепьянной музыкой. Давайте слушаем поэта, на мой взгляд, очень интересного. Попросим: „Николай Владимирович Шатров!“». «Постоянным посетителем этих концертов, – продолжал Валентин Хромов, – был Борис Леонидович Пастернак. И когда в зале было много публики, он предпочитал место поскромнее и поскрытнее. Он садился на стул у двери, ведущей в зал. Когда начинался концерт уже не Софроницкого, а Шатрова, Борис Леонидович вставал и садился в зале. И аплодировал Коле, как никто другой. И это вызывало у некоторых даже вопросы и недоумение. Как он ценит такого молодого поэта?! И в аудитории ихтиозавров русской культуры он, действительно, был самым молодым поэтом».

А это уже воспоминания ещё одного члена поэтического кружка – Олега Гриценко (1936-2013): «Пастернака как-то спросили: „Кто сейчас крупный поэт в России?“ Первое, что он сказал: „Ну, вот наш Коля, например“. Наш Коля»

Любопытен рассказ хозяйки «Мансарды» Галины Андреевой (1933-2016): «Николай мне как-то поведал такую вещь. Было так: он читал стихи Борису Леонидовичу. Пастернак его слушал, слушал, смотрел на него. А потом сказал: „Вот я смотрю на Вас, Вы такой красивый! Шли бы Вы в актёры!“.

А как же заканчивались те музыкально-поэтические вечера? Остававшиеся послушать стихи знали, где висит пальто Шатрова. Это было такое художническое пальто, в котором ходил Николай, живший более чем скромно. Ценители молодого таланта клали в карман пальто денежку. И когда Шатров доставал из кармана купюру достоинством 5 рублей, он говорил: „А, это Пастернак!“.

Когда же доставал 10 рублей, то произносил: „А, это Софроницкий!“.

Как-то в музей в Большом Николопесковском переулке позвонила молодая француженка – славистка Жаклин де Пруайар. Дверь ей открыл молодой человек. Это был Николай Шатров. Он пригласил гостью зайти в музей через день, когда давал концерт Софроницкий. И она приехала. А ещё через несколько дней француженка уже сидела на московской кухне, где открыла для себя настоящую Россию. В интервью кинорежиссёру Наталье Назаровой славистка рассказала: „Мне сказали, что я должна познакомиться с Пастернаком. Иначе моё путешествие в Россию не имеет никакого смысла. ... Я настаиваю на том, что Коля Шатров привёз меня к Пастернаку. Борис Леонидович уже знал, что на родине не издадут роман, и решил найти возможность издать его на Западе. Так у меня оказалась машинопись „Доктора Живаго“. Коля Шатров её взял у меня, отвёз к Пастернаку, чтобы тот ещё раз проверил, не осталось ли каких ошибок. Поэтому впоследствии сам Пастернак писал, что „мой единственный экземпляр –

это экземпляр для Жаклин“». Вот так был проложен путь к «Нобелевской премии», к международному признанию писателя-травлей таланта Бориса Пастернака. Признания, обернувшегося на родине – в Советском Союзе – травлей поэта.

«Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется». Разве мог предположить Борис Леонидович, посылая в Семипалатинск бандероль с большим томом гётевского «Фауста» с надписью: «Вместо напугствия!», как это откликнется в будущем? А бандероль эта была отправлена в самом конце 40-ых юному Николаю Шатрову, осмелившемуся послать в Москву любимому поэту письмо с одним своим стихотворением.

В Москву – к себе на родину. Именно там, в столице, в 1929 году 17 января родился первенец в семье врача-гомеопата Владимира Михина и актрисы Ольги Шатровой. Семья жила на Арбате в доме 28, выходящем своим торцом в тот самый Большой Николопесковский переулок, где за семь лет до рождения поэта – в 1922 году – был открыт Музей Александра Николаевича Скрябина. Через дорогу в переулке, также фасадом на Арбат, находился и находится по сей день знаменитый театр им. Вахтангова, неоднократно менявший свой архитектурный облик с 1920 года.

В год рождения сына Владимир Александрович стал одним из учредителей и членом правления Московского филиала Всесоюзного общества врачей-гомеопатов. Филиал этот располагался в «Частной электrolечебнице Михина» на Арбате, 28 – в красивом трёхэтажном доме с высокой мансардой, построенном в 1902 году по проекту архитектора А. Остроградского. Гомеопаты даже в советское время были частники, интеллигенты, составляли особую касту. Другом врача Михина стал первый нарком просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский. Раз в неделю Владимир Александрович устраивал бесплатные приёмы и давал бесплатные обеды. В приёмной висела касса. Все нуждающиеся из неё могли брать деньги. О том, что отец Николая был уважаемым гомеопатом, рассказывали многие: и Маргарита Димзе (жена Шатрова), и близкие друзья поэта. А вот то, что он в том же доме до 1929 года практиковал как терапевт, хирург и патологоанатом, как-то никто не говорил.

Высшее медицинское образование Владимир Александрович получил в Харькове, где и родился в 1883 году. До 1917 он был практикующим хирургом в городе и прозектором в Императорском Харьковском университете. А параллельно с основной профессией увлёкся новым для начала XX века искусством – синематографом. В качестве кинооператора Владимир Шатров принимал участие в съёмке двадцати сюжетов. И в течение десяти лет – с 1907 по 1917 – был владельцем и директором харьковского кинотеатра «Модерн». Вот такой размах интересов!

Такими же широкими были и интересы его старшего брата – Бориса Александровича, 1881 года рождения. Разница в возрасте около двух лет. Борис Михин как доброволец ушёл на русско-японскую войну, во время Первой мировой был награждён за храбрость Георгиевскими крестами. Получив юридическое образование в Харьковском университете, он с увлечением занялся живописью и скульптурой, изучал историю искусств. В 1910 г. Борис Александрович уже в Москве работает скульптором-художником Московского художественного театра. А с 1913 года начинается его успешная карьера в кино: работа в «Торговом доме А. Ханжонкова», затем в кинофирме А.Г. Талдыкина. В 1917 г. совместно с Ивоным снял свой первый фильм «Царь Николай II. Самодержец Всероссийский». Был постановщиком ряда немых кинолент. В 1924-1925 гг. Борис Михин уже директор 1-й фабрики Госкино. Именно он в те годы привлёк к работе Сергея Эйзенштейна, открыв его миру. Борис Михин по праву считается одним из основателей «Мосфильма». День премьеры его полнометражного фильма «На крыльях ввысь» принято считать днем рождения киностудии – 30 января 1924 года. Блестящий профессиональный взлет прервался первым арестом 1926-го по делу 16 руководящих работников «Госкино» и «Пролеткино». Через полгода его оправдали. И от беды подальше Борис Александрович уехал из столицы и трудился на площадках национальных студий, где поставил ряд историко-этнографических картин. Но в 1934, когда он работал на Бакинской кинофабрике, вновь был арестован. После освобождения предпочёл уйти в тень. Лишь в конце 40-х – начале 50-х Борис Шатров вновь в родной киностудии «Мосфильм». На этот раз в качестве начальника костюмерного цеха. Умер Борис Александрович в Москве в 1963 году.

Отец Николая развёлся с его матерью, которая была намного моложе своего мужа, когда их сын был ещё ребенком дошкольного возраста. Мальчику фамилию отца сменили на материнскую. Так он стал Николаем Шатровым. Судя по всему, прервались и родственные контакты по отцовской линии. А жаль! Ни от кого ни разу не слышала, что у поэта был такой необыкновенный дядя! О Владимире Михине говорили, что он был также репрессирован, но точных сведений и доказательств этому нет. Умер отец Николая значительно раньше своего старшего брата – в 1942 году в Тбилиси. Как и почему он оказался в Грузии? Возможно, но это только лишь мои предположения, размышления, Владимир Михин развёлся с Ольгой Шатровой и уехал подальше из столицы СССР, чтобы не ставить под удар молодую жену и маленького сына. Времена были такие, что после ареста одного из членов семьи или ближайших родственников, шли, как цепная реакция, аресты и остальных.

Далеко за примером не надо ходить. Так случилось в семье жены Николая Шатрова, жившей также в одном из арбатских переулков – в Денежном переулке. Сперва был арестован и расстрелян в 1938 году

в Коммунарке глава семьи – видный советский политический и военный деятель Рейнгольд Иосифович Берзин. Следом арестовали и отправили на восемь лет в Карагандинский лагерь его жену – Гильдегарт Яковлевну Димзе. И две их дочери – Ария девятнадцати лет и восемнадцатилетняя Маргарита – остались одни. Заметим, что у Маргариты была фамилия матери – Димзе, а не расстрелянного отца – Берзин.

Маргарита, жена поэта, в своих воспоминаниях говорила, что Николай князь по крови – «потомок Калиты». Говорила, скорее всего, со слов самого Шатрова. Но подтвердить это никак не возможно. Если же взглянем на древо рода Михиных, то самые старинные сведения об этом рязанском дворянском роде относятся к концу XVI – началу XVII века. Имел ли отец поэта эти дворянские, а может, и княжеские корни на самом деле, не столь важно. Самое ценное то, что Владимир Михин воспитывал сына своего в вере, привил с самых ранних лет живую любовь к Живому Богу. «Самым первым в детстве осмысленным осознанием жизни было: я есть, я существую, и это была радость бытия», – рассказывала Маргарита. Зёрна этой живой веры к Создателю проросли стихами. «С тех пор как научился писать, стал записывать то, что сочинил», – говорил в беседе с моей мамой, искусствоведом Диной Безруковой, Николай Шатров. А писать он научился в четыре года! Школьные годы, юность, зрелые годы. Талант набирал силу, креп, искрился, расцветал. И всё, что входило в поле поэтического восприятия Шатрова, всё переживалось и осмыслялось в Боге. В 1961 году поэт пишет стихотворение, последнюю строфу которого можно назвать «Символом веры от Николая Шатрова»:

*Я верю, верю – Боже мой!
Ты – Жизнь! Ты – Свет! Ты – путь прямой!
А если нет Тебя – не надо
Ни этих звёзд, ни этих слёз...
О, если не воскрес Христос,
То солнце – крематорий ада!*

И в том же году стихотворение «Равенство» заканчивается такими двумя четверостишиями:

*Неверующий есть самоубийца!
Бездарно заворочалась земля,
И люди стали на себя молиться,
Свой разум высшей властью наделя.*

*Но небо в нас, пока мы служим небу!
Иначе нет свободы от судьбы.
И Олимпийцы без Христова хлеба –
Бессменные, бессмертные рабы.*

В воспоминаниях говорится именно о том, что отец привил сыну с младенчества любовь к Богу. Но родители расстались, как мы знаем, когда Коля был ещё маленьким ребёнком. Несомненно, молодая мама – актриса Ольга Дмитриевна Шатрова этот огонёк веры хранила и оберегала. В очень коротенькой автобиографии 1952 года Николай пишет: «Детство я провёл в Москве и в городах средней полосы России». В эти города его брала с собой мама, когда ездила на гастроли. В октябре 1941 года Коля вместе с мамой эвакуировался в Казахстан. Там Ольга Дмитриевна стала актрисой, а затем ведущей актрисой и режиссёром Русского драматического театра, получила звание заслуженной артистки Казахской ССР. В эвакуации путешествия Николая с труппой продолжались: Омск, Нижний Тагил, Березники, Тюмень, Семипалатинск, Алма-Ата. Среднюю школу Николай закончил в 1945 году в Семипалатинске. Шатров в разговоре с сотрудником Третьяковской галереи Диной Безруковой вспоминал: «В детстве меня мама часто брала в театр на спектакли. Так вот, когда я стоял там, за кулисами, среди громадных занавесей, и слышал непонятные мне тогда, маленькому ребёнку, звуки шекспировских монологов, мне думалось, что это язык, каким должны говорить все, когда вырастут, и я сам тогда же складывал таинственные для меня слова, радуясь их фантастическому звучанию».

Интересен факт, сказанный преданным другом поэта – Феликсом Гонеонским. Он как-то упомянул, что Ольга Дмитриевна была родственницей знаменитой актрисы Государственного академического Малого театра – Елены Митрофановны Шатровой (1892-1976), прослужившей в этом театре с 1932 года всю свою жизнь. А начинала свою блестящую театральную карьеру Елена Шатрова в театре Н.Н. Синельникова в Харькове, где проработала до 1918 года, закончив перед этим в 1912 году частную театральную школу. А, как мы с вами знаем, с 1907 по 1917 в Харькове Владимир Михин был владельцем и директором кино-театра «Модерн». Что-то мне подсказывает, что люди одного культурного поля встречались в одних кругах. Смело предположить, что свою будущую жену Ольгу Владимир Михин мог узнать через Елену Шатрову.

Также интересен факт, озвученный в фильме «Если бы не Коля Шатров...» (2011). В нём не указан источник информации, но сказано, что родственником Николаю Шатрову приходился знаменитый военный музыкант и композитор, автор вальса «На сопках Маньчжурии» Илья Алексеевич Шатров.

В период с апреля по июль 1976 года появилось стихотворение, отражающие сны поэта о родителях. Привожу здесь 3,4 и 5 строфы.

*Мать покойная живей на вид,
Чем случилось пред кончиной быть, –
«Передай мне мыло, – говорит, –
Собираюсь голову помыть...»*

*А отец приснится каждый раз
Перед переменю в судьбе.
Мёртвый, он меня от смерти спас
Многokrатно, не позвав к себе.*

*И когда я вижу эти сны,
Я не верю в чей-либо конец,
Чую, как земля, тепло весны
За зимой остывнувших сердец.*

Все мы родом из детства. И театральное кочевье Николая продолжилось в кочевье студенческом: год учёбы в Педагогическом институте им. Н.К. Крупской на филологическом отделении в Семипалатинске, два года на заочном отделении факультета журналистики Казахского Госуниверситета в Алма-Ате, в 1950 году принят вне конкурса в Литературный институт при Союзе писателей на отделение поэзии. «В настоящее время являюсь студентом заочного отделения Московского Госуниверситета им. Ломоносова (факультет журналистики – III курс, факультет философии – I курс)», – пишет в своей автобиографии, датированной 18 ноября 1952 года, Николай Шатров. На этих факультетах он отучился года два.

Перекочевать вновь на родину – в Москву – помог, если можно так сказать, вот такой случай. «Отъезду способствовали обстоятельства, связанные с неудачной постановкой спектакля „Любовь Яровая“, который режиссировала Ольга Дмитриевна Шатрова. После премьеры в областной газете „Прииртышская правда“ появилась рецензия, подписанная для вящей весомости группой товарищей, в которой новая работа Русского драматического театра была признана политической ошибкой, так как белые на сцене выглядели выразительно, а красные, наоборот, блекло. Ольге Дмитриевне подсказывали добрые люди, что для восстановления своего прежнего престижа ей срочно надо поставить на сцене что-нибудь высокодейное и злободневное. Воспитанная на классике, на высоких образцах искусства, она на дух не переносила конъюнктурные и „маловысокохудожественные“ пьесы Софроновых и Суровых. А именно они заполняли современный репертуар театров страны. Ольга Дмитриевна оказалась не у дел: ставились новые и новые спектакли, но без её участия. Так что отъезд был предreshён всей обстановкой, сложившейся вокруг неё», – так поведал о тех событиях друг семипалатинской юности Николая Шатрова и на всю жизнь – журналист, писатель Рафаэль Александрович Соколовский.

Шёл 1950 год. В Очакове, тогда ближайшем Подмоскowie, Ольга Дмитриевна стала работать в народном театре. И ей выделили в общежитии две комнатки. В одной из них вскоре поселилась молодая семья – с Урала вслед за мамой приехал Николай с женой Лилианой. Вскоре на свет появилась дочка, которую назвали, как и маму новорождённой, Лилианой. Так было положено начало кочевью московскому. Через восемь лет Николай разводится с супругой. В 1961 году он женится на Маргарите Димзе. И вместе с Маргаритой они сменили в Москве четыре квартиры. Последнюю квартиру получили на улице Авиационной в доме №74, что неподалеку от станции метро «Щукинская». Вот как вспоминала об этом Маргарита: «Стоим на пригорке. Он мне: „Я здесь умру. Это мой четвёртый дом. **Моё число четыре, / Со знаком минус, плюс. / В космической цифири, / Как дважды два четыре, / Я на три не делюсь**“. Это стихи Коля». Так и случилась. В 48 лет 30 марта 1977 года поэт покинул этот мир.

«Что-то в нём было цыганистое, когда мы с ним познакомились», – так описывал внешность Шатрова Феликс Гонеевский. А друг по поэтической группе «Мансарда окнами на запад» Валентин Хромов говорил: «Образ в молодости – байронический тип. А когда стал стареть, то под Сальвадора Дали отпустил усы». А вот сам поэт о себе в августе-сентябре 1976:

*Я был украден, подменён
Самим собою в древнем детстве.
Отсюда этот миллион
Терзаний, наслаждений, бедствий.*

*Есть расстоянья для людей.
Я странствую сквозь состояния:
То блудодей, то чародей,
Так начинаются цыгане...*

*Но надо в душе осознать
Присягу царственного слова,
Тогда ты – подлинная знать
И можешь не рождаться снова.*

*Когда ты истинный поэт,
Тебе до истины нет дела!
Ты пишешь потому, что свет
Твоё переполняет тело!..*

Менее чем за год до смерти Николай Шатров написал стихотворение «Откровение». Его последние две строфы:

*Кто меня на жизнь заговорил
В этом образе полуживотном?
Родственники вымерших горилл
Держат душу на захвате плотном.*

*И не вывернуться из-под спин,
Из-под животов почти мохнатых;
Бог-Отец, доколе мучусь, сын –
Рыцарь в неснимающихся латах!*

Вот таким странствующим «рыцарем в неснимающихся латах» прошёл по Земле или проскакал на небесном Пегасе поэт милостью Божией – Николай Шатров. «Поэт милостью Божией» – название одного из последних стихотворений Шатрова. А вот ещё одно из них, без названия:

*Я – звезда! Понимаю прекрасно,
Сердцем выше обид...
Лишь когда на земле я погасну,
К вам мой свет долетит.*

*Кто сидел, кто лежал на диване,
Кто работал в цеху...
Я – горел! Это тоже призванье:
Пригвождённый к стиху.*

«Он себя вёл так: почувствовал себя поэтом. И решил эту роль играть до конца», – вспоминала о нём красавица хозяйка «Мансарды» – переводчик, стюардесса, редактор Галина Андреева. «Я не стихотворец / Я – поэт», – писал Николай Шатров. Поэтическая речь для него была как дыхание. Шатровым она воспринималась как естественная речь человека. Он был поэтом по своей природе. И как он мог приспособиться к этому миру, как он мог в него встроиться? Зарабатывать где-то деньги, приходить домой, садиться за стол и стихи писать?! Он так не мог! Николай Шатров поэтом был во всем: в быту, в личной жизни и в целом – в жизни. Он был поэтом во всех своих проявлениях. И как он мог писать то, что требовала конъюнктура? Соловей поёт так, как поёт соловей, а не как канарейка! Шатров понимал, что он гениальный. Он понимал, что он отмечен Богом:

*Каждый человек подобен чуду.
Только гений – тихая вода.
И меня как смертного забудут,
Чтоб потом вдруг вспомнить навсегда.*

Не гордыня ли это? Нет. Так бывает, что нам дано понять – этот дар у нас есть! Понимая высшее происхождение этого дара, Шатров не умалчивал об этом в поэзии.

Поэт ценил дружбу. Россыпи стихов посвящены друзьям. В том числе и моему отцу – живописцу Алексею Никифоровичу Козлову (1925-1977). Друзья – мужчины и женщины – необычайно талантливые и необыкновенно красивые! Но я заметила такую интересную особенность: каждый из друзей Николая Шатрова воспринимал его уж очень по-своему. Такое складывается впечатление, что был не один Шатров, а много, очень много Шатровых! Одни его видели и видят мистиком, мистиком теософского порядка, христианином-эзотериком и даже оккультистом. Он мог исцелять людей словом и делом, предвидел судьбы людские и свою тоже. Другие в нём видели и видят православного христианина, верующего церковного человека. Не зря отец Александр Мень собирался его похоронить прямо за алтарём Сретенской церкви в Новой Деревне. Третьи говорят: «Никакого мистицизма в нём нет. Не надо особо увлекаться теми стихами, где он говорит о религии, о Боге. Он был человеком любящим жизнь во всех её проявлениях, был светским человеком». «Коля – ёрник, шутник, балагур!», «Он Дон Жуан с манерами Дон Кихота!» – вторят им иные вослед. Многие его стихи, особенно ранние, можно отнести к острой политической сатире. И даже удивительно, что он не был арестован, как, например, лидер «Мансарды окнами на запад» поэт Леонид Натанович Чертков. «Нет, диссидентом он не был», – слышишь от других. Общаясь с друзьями Шатрова, с поклонниками и ценителями его творчества, я заметила, что между ними существует какое-то ровное чувство друг к другу. Так, кто же он – Николай Владимирович Шатров?

Передо мной живописный портрет Николая Шатрова, принадлежащий кисти художника Алексея Козлова. Написан он был в 1972 году, когда мой папа работал над циклом «Мои современники». Лицо поэта, словно расплавленное золото – высокий, пронизанный светом лоб, глубокие, почти чёрные, с синевой глаза, красные губы и словно опалённая огнём изящная борода, за копной чёрных волос мерцающий свет, как на поздних рембрандтовских полотнах, красными всполохами этот свет чуть трогает пряди волос, тёмное одеяние. Таинственно, величаво перед нашим взором лицо превращается в лик. Перед нами возникает образ человека необычайно цельного.

А вот пожелтевший от времени лист с почерком и автографом поэта, датированный 4 июня 1964 года. Коктебель. Туда два друга – поэт и художник – отправились вместе. Волошинский Крым, волошинский дом, поэзия Максимилиана Волошина. Встречи с замечательными людьми. На фотографиях мы видим художника Козлова, поэта Шатрова и трёх, как их шутя, по-доброму называли, «коктебельских старух»: филолога Ирину Константиновну Антонову, сестру советского авиаконструктора Олега Антонова, на чьих «аннушках» мы летали всё наше советское детство; Риту Яковлевну Райт-Ковалеву – выдающуюся переводчицу и писательницу; Ирину Януарьевну Шереметеву – супругу конструктора небесных парусников-планеров Бориса Шереметева.

На раритетном листе, которому без года шестьдесят лет, стихотворение «Баллада Часов». И «P.S. Ирине Константиновне в знак доброго расположения переписывает автор – Ник Шатров». Мы видим какой-то удивительный, летящий почерк. Даже кто-то, помнится, сравнивал почерк Шатрова с почерком Пастернака. С одной стороны – летящий, а с другой – как всё четко, ясно, соразмерно! Почерк отражает характер человека. В личности Николая Шатрова была эта ясность, мощь, и вместе с ней – вдохновенное стремительное движение. Это стихотворение, дорогие читатели, публикуется впервые.

БАЛЛАДА ЧАСОВ

*Ах, у Шаха Хаоса в гареме
Жен не счесть: мгновений и минут.
Убегало маленькое время, –
Тут же сторожа его вернут.*

*Лишь одна прекрасная Секунда
Ход имеет к мужу своему:
У неё подошвы из корунда,
Громче всех стучат они в domu..
Хаоса безжалостный владыка
Как ребёнок маленький при ней.
И влюблённо шепчет: – Тикай, тикай..
Шлёт ещё даров – ночей и дней..*

*Но Шахия Шаху изменила.
Приковал её невольник Миг.
И она шептала «Милый, милый!»
И они бежали в тот же миг.*

*Повелитель только сдвинул брови.
Даже ничего не произнёс.
А уже лежали в лужах крови
Трупы между зубчатых колёс...*

*И с тех пор не знает счастья Хаос,
Не бывает в доме темноты...
...И когда я ночью задыхаюсь,
Это значит, что со мною ты*

Для меня Шатров – это, в первую очередь, любящий Бога поэт-философ. И о чём бы он ни писал: о вере в Бога, о мистической, таинственной жизни души, о природе творчества, о современных ему научных и нравственных реалиях, о политике, о России, о дорогих ему поэтах Серебряного века, о женщинах, которых он безмерно и безумно любил, о друзьях, – всегда идёт этот срез: верх – низ, светлое – тёмное, Бог – дьявол; человек – его судьба здесь, его судьба Там, в мире горнем.

*Неверующих – тьма.
Их убедить – пустое!
Им горе от ума!
Пять чувств... Но Бог – шестое!*

9 апреля, в день Входа Господня в Иерусалим, после причастия, в конце службы меня посетила мысль: купить вербы и поехать на Новодевичье кладбище. Снег уже стоял. Найти плиту, убедиться, что на ней имя Шатрова. Так и поступаю. На месте, показанном литератором Львом Алабиным на видео, вижу три плиты. На левой плите читаю: «Каужен Эдит Карловна 1866-1957». Выше этого имени должно быть выгравировано «Шатров Николай Владимирович». Но надписи нет! Неужели Лев Алабин выдал желаемое за действительное? – промелькнуло в голове. И тут же: надо протереть плиту! Омываю плиту водой, и... Вглядываюсь, вчитываюсь, промываю ещё и ещё раз. Начинают проступать буквы. Да, ясно проглядывает – «Шатров». Ниже, менее четко – «Николай». И третья строка – еле-еле «...мирович». Чуть правее процарапанного, видимо, вдовой поэта Маргаритой, имени проступают цифры «29/77». Да, найдено место захоронения урны с прахом поэта! Маргарита закопала урну тайно в могилу родственников по отцовской линии много лет спустя после смерти мужа. Кладу вербы в изголовье могильного холмика, молюсь.

ПОСТСКРИПТУМ

*Молись обо мне днём и ночью,
Я славы небесной достиг.
К ней лестницы нету короче
Стремянки неизданных книг.*

*Что было, что будет – не знаю,
Не прочен и облачный слой,
Но точно, что слава земная
Кончается вместе с землёй.*

Март 1976

*Мария Козлова, кандидат искусствоведения, крёстная дочь поэта Николая Шатрова
Москва. 23 апреля, 2023. Первое воскресенье после Пасхи – день св. апостола Фомы*